

ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

© 1993 Ф. Д. АШНИН, В. М. АЛПАТОВ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ДУРНОВО

В статье описывается жизнь и деятельность выдающегося языковеда-русиста Н. Н. Дурново (1876—1937), характеризуется его научное наследие. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов в статье восстанавливается биография Н. Н. Дурново, приводятся данные о его аресте в 1933 г., обстоятельствах жизни в заключении и гибели.

The life and activity of an outstanding specialist in the Russian linguistics N. N. Durnovo (1876—1937) are described in the article. The biography of N. N. Durnovo is reconstructed, the new data about his arrest in 1933, the circumstances of life in prison and his death are described on the basis of the archive documents put into scientific circulation for the first time.

Н. Н. Дурново, безусловно, принадлежит к числу крупнейших русских языковедов, однако его жизнь и деятельность до сих пор изучены очень слабо. Можно назвать лишь небольшую статью Т. А. Сумниковой [1] и недавнюю документальную публикацию М. А. Робинсона и Л. П. Петровского [2]. Нашу статью следует рассматривать как первую и предварительную попытку представить биографию этого ученого на всех этапах его жизни с учетом архивных материалов, прежде всего материалов об аресте, заключении и гибели Н. Н. Дурново, хранящихся в Центральном архиве МБ РФ. Основное внимание в статье обращено на выяснение биографии ученого, и мы не претендуем на всесторонний и детальный анализ его вклада в науку.

О начальном, наиболее благополучном этапе жизни Н. Н. Дурново в следственном деле «Российская национальная партия» имеются два документа, которые мы приводим здесь. Это заполненная самим Н. Н. Дурново 29 декабря 1933 г., т. е. на следующий день после ареста, «анкета арестованного» и справка Центрального государственного исторического архива о деятельности Н. Н. Дурново (охватывает лишь дореволюционный период), составленная в 1964 г. при проверке законности дела «Российская национальная партия».

В «анкете арестованного», в частности, говорится:

«Родился: Москва. 23 октября (5 ноября) 1876¹

Место службы и должность или род занятий: Научная работа по договору с Учпедгизом.

Имущественное положение в момент ареста: Жил на заработок с научной работы.

То же до 1917 г.: Имел небольшой хутор в Московской губернии, не приносящий дохода. Жил на заработок от преподавания в ВУЗах.

В партиях не состоял.

В политических выборах не участвовал.

Политической деятельностью не занимался» [3, т. 1, л. 102—103]

¹ На самом деле 4 ноября. Ошибка Н. Н. Дурново характерна для того времени.

Н. Н. Дурново

А вот данные архивной справки:

«Дурново Николай Николаевич, род. 23 октября 1876 г. в Москве, сын потомственного дворянина Московский губ., Рузского уезда, д. Парфенки.

В 1895 г. окончил 6-ю гимназию в Москве с серебряной медалью и в том же году поступил на историко-филологический факультет Московского университета. За время пребывания в университете получил золотую медаль за сочинение на тему «Повесть об Акире Премудром».

Окончил университет в 1899 г. с дипломом первой степени и был оставлен на кафедре русского языка и литературы на два года, после чего срок оставления на кафедре был продлен. Владел в совершенстве немецким, французским и английским языками.

В 1902 г. был избран в члены-корреспонденты Московского археологического общества за участие в трудах Славянской комиссии общества...

В 1904 г. сдал экзамен на магистра и по прочтении пробных лекций был принят в число приват-доцентов Московского университета.

В 1910 г. был переведен приват-доцентом по кафедре русского языка и словесности в Харьковский университет.

В мае 1915 г. возвращен вновь в Московский университет в качестве приват-доцента кафедры русского языка и русской литературы.

Сведений о дальнейшей деятельности Дурново Н. Н. не имеется» [3, т. 11, л. 448].

К этим документам надо кое-что добавить. Н. Н. Дурново принадлежал к старинному дворянскому роду «одного происхождения с Толстыми» [4, с. 247]. И в период изгнания из Минска, и на допросах в ОГПУ ему приписывали близкое родство с царскими министрами внутренних дел И. Н. Дурново и П. Н. Дурново, но он принадлежал к другой ветви этого рода. Его отец, тоже Николай Николаевич, был, по-видимому, неудачлив в жизни.

Еще его дед, Николай Аполлонович Дурново, к концу жизни разорился. Поэтому его отец, Николай Николаевич старший, был безземельным дворянином и получил крохотное наследство деньгами. Он не служил, доходов почти не было, жили бедно. Зиму проводили в Москве, много лет снимая квартиру в Старомонетном переулке, д. 4 (6-я гимназия, в которой учился будущий ученый, была рядом), лето — в Парфёнках. Его главные интересы лежали в области

политики: он был автором многих брошюр и статей по «восточному вопросу», написанных с крайне монархических и националистических позиций². Сам же ученый в отличие от отца был далек от политики: на одном из допросов он упомянул, что в 1906 г. вступил в партию октябристов, но уже «с 1907 г. участия в практической работе не принимал ввиду расхождения с программой» [3, т. 4, л. 191]. Другими были и его взгляды: либерально-демократическими и чуждыми крайностей, что проявится и в его документах 30-х годов. В то же время от отца он, несомненно, унаследовал интерес к славистике, став, однако, в этой области не дилетантом, как отец, а профессионалом.

К 1917 г., как следует из [5], у Н. Н. Дурново было 90 публикаций. Тематика их была весьма разнообразной, но можно выделить три основные темы: история русского языка, диалектология, древнерусская литература.

По истории русского языка Н. Н. Дурново читал обзорные курсы в Харькове и Москве; его московские и харьковские курсы дошли до нас в литографированном виде [6—8]; издан был также первый выпуск «Хрестоматии по истории русского языка», посвященный памятникам X—XI вв. [9]. В Москве он вел курсы, перешедшие к нему от его учителя А. А. Шахматова, переехавшего в Петербург; среди учеников Н. Н. Дурново были Н. Ф. Яковлев и Р. О. Якобсон. Во многом именно его курсы послужили образцом для более поздних вузовских курсов исторической грамматики русского языка, в частности для известного учебника [10]; П. С. Кузнецов, не бывший непосредственным учеником Н. Н. Дурново, принадлежал к той же научной школе. В работах по данной тематике Н. Н. Дурново стремился совместить идеи и методические приемы двух своих основных учителей: А. А. Шахматова и Ф. Ф. Фортунатова, — в частности, распространяя на изучение истории русского языка свойственную Фортунатову почти математическую точность подхода.

Наибольшее число публикаций Н. Н. Дурново, особенно до 1917 г., посвящено диалектологии, начиная с двух его самых первых публикаций, одна из которых описывала диалект деревни около имения его отца [11, 12]. Наряду с большим количеством описаний отдельных говоров и отчетов об экспедициях им создаются и труды обобщающего характера, частично в соавторстве с Д. Н. Ушаковым и Н. Н. Соколовым. Сначала он издал в Харькове свой литографированный курс [13]. В том же 1914 г. вышла первая подробная диалектологическая карта русского языка [14]. В следующем году карта была вновь издана с приложением знаменитого «Очерка русской диалектологии» Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколова [15]. Н. Н. Дурново при участии Н. Н. Соколова опубликовал программу для собирания диалектологического материала [16], переиздававшуюся и в советское время. Изданы были и хрестоматии по русской и украинской диалектологии [17, 18]. Наконец, на исходе исторической эпохи Н. Н. Дурново приступил к фундаментальному сводному очерку восточнославянских диалектов; его первая часть, посвященная южнорусским диалектам, успела выйти в 1917 и в начале 1918 г. двумя выпусками [19].

Помимо собственных публикаций Н. Н. Дурново большое значение имела его деятельность в Московской диалектологической комиссии, продолжавшаяся с начала 1900-х годов до его отъезда за границу в 1924 г. Это был не только центр сбора диалектного материала, но и один из ведущих центров московской науки о языке. Даже в 40-е годы ученикам Д. Н. Ушакова приходилось опровергать версию о том, что будто бы все идеи, содержащиеся в коллективных трудах комиссии, принадлежат одному Н. Н. Дурново [20, с. 67]. По-видимому, можно считать, что если в организационной постановке дела ведущую роль играл Д. Н. Ушаков (Н. Н. Дурново никогда не был хорошим организатором), то душой и научным мотором деятельности комиссии был Николай Николаевич.

Именно труды Московской диалектологической комиссии, в первую очередь

² В библиографии трудов Н. Н. Дурново [5] ему приписаны две публикации за № 2 и 6, явно принадлежащие его отцу.

самого Н. Н. Дурново, заложили основы русской диалектологии как научной дисциплины. Если в области истории русского языка многое уже было сделано предшествующим поколением ученых, прежде всего А. А. Шахматовым, то диалектология до начала XX в. основывалась лишь на самых общих представлениях и на разрозненных и часто дилетантских записях диалектных текстов. Лишь Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков и их коллеги смогли развернуть широкомасштабную и основанную на единой методике работу по сбору и обработке материала и создать на ее основе первую детальную классификацию восточнославянских диалектов, основанную прежде всего на звуковых различиях. По существу, с некоторыми дополнениями она остается действующей и сейчас. Диалектологические труды Н. Н. Дурново составляют наиболее известную часть его лингвистического наследия (хотя и они давно не переиздавались!) и не исчезали из научного оборота даже в годы, когда их автор считался «врагом».

Немного публикаций Н. Н. Дурново тех лет посвящено современному литературному языку, но и они весьма интересны. Особо следует выделить совместный с Д. Н. Ушаковым «Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения» [21].

Немало публикаций Н. Н. Дурново посвящено древнерусской литературе, его учителем в этой области был М. Н. Сперанский. Как уже указывалось, его студенческое сочинение относилось к «Повести об Акире Премудром», это исследование в переработанном виде было впоследствии опубликовано [22]. Занимался он в разные годы сказаниями о животных в старинной русской литературе [23], легендой о заключенном бесе в Византии и на Руси [24], легендой об Авдакее святой мученице [25], житиями святых [26]. Эта часть наследия Николая Николаевича, довольно большая по объему, пожалуй, в наибольшей степени забыта и не изучена.

Особо выделяется среди публикаций такого рода издание «Приветствия брачного» Сильвестра Медведева, выходявшее дважды [27, 28]. Его автор, один из образованнейших людей XVII в., западник по образованию и склонностям, втянулся в политическую борьбу на стороне противников молодого Петра, в результате чего «за воровство и измену и за возмущение к бунту» был арестован, провел два года в монастырской тюрьме, а затем казнен. Вряд ли Николай Николаевич тогда мог предполагать, что его судьба окажется до деталей похожей на судьбу его героя.

К моменту Октябрьской революции Н. Н. Дурново исполнился 41 год. Он был поглощен наукой и преподаванием и не занимал четкой политической позиции. По складу он был кабинетным ученым, более склонным к научной, чем к преподавательской деятельности (его слушатели отмечали, что он в целом не был хорошим лектором, но слушать его становилось очень интересно тогда, когда он доходил до предметов собственных научных занятий). Дурново не был честолюбив (видимо, только поэтому он до 1917 г., несмотря на большое число публикаций, не успел стать ни доктором, ни профессором) и, как показали последующие события, отличался непрактичностью и плохой приспособляемостью к обстановке. Когда ситуация резко изменилась к худшему, ему пришлось особенно тяжело.

В 1918 г. Н. Н. Дурново принял приглашение недавно организованного Саратовского университета, где ему без докторской степени предложили должность профессора. В Саратове, куда эвакуировалась часть русской профессуры Дерптского университета, тогда собрался неплохой состав специалистов; в частности, среди филологов там работали Г. А. Ильинский, Н. К. Пиксанов и др., а одно время и Н. Ф. Яковлев. Н. Н. Дурново продолжал работать, ездил в диалектологические экспедиции, но обстановка была трудной. За 1919—1921 гг. у него всего одна публикация. Случилось и еще более страшное. Позже он писал: «К сожалению, во время моих кочеваний в Нижнее Поволжье в 1919 г. все мои матерьялы, собранные в течение 20 лет, пропали, и то продолжение работы, которое я имел в виду в предисловии и введении к I части „Разысканий“,

стало невозможным» [29, с. 366]. Речь идет о записях среднерусских диалектов, собранных в пяти губерниях, которые должны были стать основой второй части его фундаментального труда.

С осени 1920 г. в Поволжье начался голод. О жизни в Саратове Н. Н. Дурново на одном из допросов оговаривался одним словом: «Болея» [3, т. 4, л. 193]. Можно представить, что стояло за этим. В Саратове было так плохо, что в 1921 г. Николай Николаевич покинул этот город, где у него хотя бы была работа, и переезжает с семьей в Москву, где было не так голодно, но негде было устроиться. Московская диалектологическая комиссия, где он продолжал работать, относилась к общественным организациям, где не платили. Его друг Д. Н. Ушаков устроил его в комитет по составлению общедоступного словаря русского языка, созданный для реализации известного предложения В. И. Ленина. Это давало какой-то заработок, но словарь тогда составить не удалось, и в 1923 г. комитет распустили (когда несколько лет спустя Д. Н. Ушакову удалось заново начать эту работу, привлечь к ней Н. Н. Дурново он не мог сначала из-за его отсутствия в Москве, а потом по политическим причинам). В течение года ученый не имел постоянного заработка, а на его иждивении были жена и трое малолетних детей. В то же время его научный авторитет рос, что нашло отражение в избрании его в 1924 г. в члены-корреспонденты Академии наук. Но это звание тогда не могло прокормить.

Тем не менее в научном отношении 1922—1924 гг. были одними из самых плодотворных в жизни Н. Н. Дурново. За три года жизни в Москве он написал и издал около 30 работ, в том числе три фундаментальные книги, вышедшие в одном 1924 г. Это первая часть его крупнейшей работы по современному русскому языку [30], учебной по характеру, но одновременно излагающей серьезные научные идеи, обобщающий очерк истории русского языка [31] (значение этого труда подтверждает его двукратное переиздание за рубежом уже в послевоенные годы [32]) и, наконец, «Грамматический словарь» [33].

Если две первые книги достаточно известны, то «Грамматический словарь», на наш взгляд, недостаточно оценен последующей наукой, а между тем эта книга в наибольшей степени дает представление об общелингвистических взглядах ее автора, поэтому хочется остановиться на ней несколько подробнее.

В словаре дается толкование более ста основных лингвистических терминов с особым вниманием к терминам фонетики и русистики. В нашей стране это был первый словарь такого типа, и долгое время единственный³. Для своего времени словарь был весьма передовым по подходу и содержал много интересных и оригинальных идей. Сама идея терминологического словаря в лингвистике, основанного на единой четкой системе дефиниций, тогда была новой и свежей. В разработке дефиниций Н. Н. Дурново следовал за своим учителем Ф. Ф. Фортунатовым, стремясь к максимально возможной строгости. Отметим, например, систему частей речи, основанную всецело на морфологических критериях в духе Ф. Ф. Фортунатова. Используются и некоторые идеи структурной лингвистики, в том числе разграничение синхронии и диахронии.

В то же время к другому нововведению тех лет — разграничению фонетики и фонологии — Н. Н. Дурново отнесся не столь благожелательно. Перечисляя аргументы за него («представляет некоторые удобства в тех случаях, когда приходится иметь дело с психическими факторами»), он сделал скептическое заключение о фонологии: «Неприменимо к явлениям в области звуков, вызванным акустическими и физиологическими причинами» [33, с. 131]. Здесь на ученого влиял не столько консерватизм, сколько богатый опыт диалектолога, улавливавшего мельчайшие оттенки звучания, неинтересные для фонолога. Не случайно ученым, занимавшимся тонким фонетическим анализом (А. И. Томсон, В. А.

³ Двум последующим словарям очень не повезло. Словарь Е. Д. Поливанова (1934—1937) вышел спустя полвека с лишним после написания, а словарь Л. И. Жиркова (1945) имел малый тираж и не был замечен. Лишь в 1966 г. появился новый словарь О. С. Ахмановой.

Богородицкий, отчасти Л. В. Щерба), оказалось так трудно освоить функциональный подход к фонологии, казавшийся им слишком грубым. Зато он хорошо совмещался с работой по конструированию алфавитов (Н. Ф. Яковлев и др.): фонемное письмо отражает прежде всего функционально значимые свойства звуков. Противоречие между тем, что казалось Н. Н. Дурново плюсами и минусами фонологии, разрешил впоследствии его ученик Р. Яковсон в теории дифференциальных признаков.

В том же 1924 г. жизнь Н. Н. Дурново резко изменилась. Получив, наконец, гонорар за «Очерк истории» и «Повторительный курс», он добился четырехмесячной командировки от Академии наук в Чехословакию. В срок он не вернулся, перейдя в категорию «невозвращенцев». Тогда это еще не означало обрыва связей с Родиной, где Н. Н. Дурново продолжал печататься. Уехав за границу без семьи, он рассчитывал вернуться, когда обстоятельства улучшатся. А о причинах, побудивших его уехать, свидетельствует фраза из показаний М. Н. Скачкова (см. ниже): «Он... ел демонстративно где только возможно белый хлеб, ссылаясь на голод в Советской России и на тяжелое положение в ней ученых» [3, т. 4, с. 15]. В Праге после Саратова и Москвы он просто отъедался.

Приехал он туда без предварительных договоренностей, имея лишь остатки гонорара за две книги. Ему активно помогал живший там его ученик Р. Яковсон, которому удалось выхлопотать для учителя пособие для эмигрантов от чехословацкого министерства иностранных дел, а затем командировку от Чешской академии в Закарпатье, тогда чехословацкое, для изучения украинских диалектов; результаты этой экспедиции отражены лишь в короткой публикации [34]. Благодаря Р. Яковсону Н. Н. Дурново в весеннем семестре 1926 г. единственный раз в качестве «гостя» прочитал курс истории русского языка в университете им. Т. Масарика в Брно. На основе курса в следующем году Н. Н. Дурново издал книгу [35], ставшую для него итоговой в этой области. Точнее, это был первый том «Введения», содержавший последний вариант его диалектологической концепции и впервые им опубликованный обзор письменных памятников с материалами по истории русского языка, сохраняющий значение и поныне. Второй том, как сказано в предисловии к первому тому, должен был «содержать методологические замечания и объяснения некоторых явлений так называемой праславянской эпохи, относительно которых мое мнение отличается от мнения других славистов, а также историю развития церковнославянского языка русской редакции в XI и XII вв.» [36, с. 8]. Был ли второй том написан? Если да, то где его рукопись? Второй раз после «Диалектологических разысканий» обширный замысел оборвался после первого тома.

В чехословацкий период Н. Н. Дурново опубликовал и еще ряд важных работ, в частности [37, 38]. Особо отметим новый вариант фонетической транскрипции русского литературного произношения Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушакова [39]. Как отмечает современный исследователь, «транскрипция прекрасна по точности и детальности наблюдений» [40, с. 180].

Н. Н. Дурново много общался с Р. Яковсоном, а через него установил контакт и с Н. Трубецким, жившим в Вене. Они встречались и во время приездов Н. Трубецкого в Чехословакию, и в Вене, где Н. Н. Дурново был по дороге на всемирный конгресс византистов в Белграде весной 1927 г., куда смог поехать за счет эмигрантских организаций. Н. Трубецкому и Р. Яковсону, трудившимся тогда над созданием структурной фонологии, во многом удалось убедить старшего коллегу в своей правоте и поколебать его первоначальный скепсис в отношении фонологии. В отличие от таких его коллег, как Г. А. Ильинский или А. М. Селищев, так и не принявших структурализм, Н. Н. Дурново оказался восприимчивым к новым идеям в лингвистике. Позднее, в начале 30-х годов, он стал связующим звеном между Пражской школой и основателями Московской фонологической школы. Сравните показания В. Н. Сидорова на следствии от 16.03.1934г. «С Дурново я познакомился в 1929 г.... Познакомившись с ним, я узнал, что он работает над вопросами фонологии, занимавшими меня в то время.

Общность наших интересов положила начало дальнейшему сближению. Дурново много мне рассказывал о фонологических работах кружка пражских лингвистов-эмигрантов, в особенности Трубецкого Н. С. и Якобсона Р., с которыми он имел тесное общение, будучи в Праге» [3, т. 6, л. 263].

Если фонологические работы Н. Трубецкого высоко оценивались Н. Н. Дурново, то к его евразийским идеям он отнесся, как видно из его неоднократных высказываний, очень прохладно. Однако он привез с собой в СССР евразийские работы Н. Трубецкого, что потом стало одним из главных пунктов обвинений против Николая Николаевича.

Устроиться на постоянную работу Н. Н. Дурново не смог и в Чехословакии. Будущее было неопределенным. К тому же в Москве осталась семья, которую не выпустили к «невозвращенцу». Поэтому он сразу же согласился на полученное им 01.11.1927 предложение П. А. Бузука переехать в Минск, где ему обеспечивалась работа в Институте белорусской культуры и в университете. Сейчас ясно, что ученый ехал навстречу гибели, но тогда казалось иначе. Впервые после 1921 г. Н. Н. Дурново предлагали постоянную работу, а обстановка в СССР конца 20-х выглядела стабильной. (Документы об обстоятельствах переезда Н. Н. Дурново в Минск см. [2, с. 69—70].)

В Минске, куда Николай Николаевич переехал в начале 1928 г., его поначалу приняли хорошо. Он избирается академиком только что созданной Белорусской академии наук. В Минске он успел напечатать лишь несколько статей, но продолжают выходить его публикации в Москве и Праге, среди которых особо следует отметить второй том «Повторительного курса» [41] и интереснейшую статью о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов [42].

Поначалу Н. Н. Дурново могло казаться, что главные его беды позади. Раздражают его лишь минские коллеги. Он пишет Б. М. Ляпунову: «Они безграмотны, не понимают настоящей науки и только роняют имя белорусской „Академии Наук“... Их белорусский патриотизм часто выливается в форму нелепого и вредного шовинизма» (цитируется по [2, с. 71]). Но вскоре все рухнуло опять. В стране начались «культурная революция» и борьба с «буржуазными националистами». В Белоруссии с 1929 г. развернулась борьба с деятелями национальной культуры, получившими презрительную кличку «нацдемов» (национальных демократов), некоторые из них были арестованы. «Нацдемы» составляли все научное окружение Н. Н. Дурново в Минске. Шквал проработок затронул и его, хотя он даже не был белорусом.

В результате травли в начале 1930 г. Н. Н. Дурново вынужден был покинуть Минск. Его исключили из Белорусской академии и даже из профсоюза (по тем временам серьезное наказание), после долгих хлопот, правда, в 1932 г. его восстановили в профсоюзе и секции научных работников [3, т. 4, л. 194]. Вторично ученый возвращался в Москву в «никуда». Но если в 1921 г. он выделялся среди коллег лишь особым неумением устраиваться, то теперь на нем стояло клеймо «неблагонадежности». Почти все время до ареста снова не было постоянной работы. О преподавании не могло быть и речи. Лишь осенью 1932 г. ему разрешили читать курс истории русского языка для аспирантов в Научно-исследовательском институте языкознания, но и это была лишь внештатная работа, а в мае 1933 г. институт вообще закрыли по требованиям марристов. В «Учетно-статистической карточке» на Н. Н. Дурново, заполненной на Соловках, в графе «Работа до ареста» в отношении периода после 1929 г. стоит «научный работник — одиночка» [43, л. 3].

Поначалу отдушиной оставалась Московская диалектологическая комиссия. Стараниями Д. Н. Ушакова она сохранялась даже тогда, когда Н. Н. Дурново вернулся в Москву. Но в 1931 г. комиссия прекратила существование. Формально это выглядело как преобразование ее в Диалектографическую комиссию под руководством Н. М. Каринского. Это был русист другой школы, ученик А. И. Соболевского, к тому же активно приспосабливавшийся к конъюнктуре. П. С. Кузнецов в неопубликованных воспоминаниях пишет, что Н. М. Каринский «во

многом действовал не прямыми путями», признавая при этом, что он был «прекрасный палеограф, знаток рукописей». Н. М. Каринский переориентировал комиссию на обеспечение собственных исследований по социальным изменениям диалекта подмосковной деревни Ванилово в связи с постройкой там фабрики. П. С. Кузнецов, как раз тогда познакомившийся с Н. Н. Дурново, вспоминает: «Постепенно старые диалектологи перестали там бывать, а Н. Н. Дурново, раньше бывший товарищем председателя, теперь не называл ее иначе, как „Вониловская комиссия“».

Звание члена-корреспондента давало лишь скудную «академическую пенсию», до времени, когда оно стало обеспечивать льготы, Н. Н. Дурново не дождался. Оставалась лишь случайная работа по договорам да редкие публикации за границей, в основном в Чехословакии, за которые можно было бы что-то получать в Торгсине. За 1931—1933 гг. за границей было опубликовано 10 не слишком объемистых статей и рецензий. По договорам он выполнял две значительные работы. Первой из них был «Карманный чешско-русский словарь» (совместно с А. Грулиным⁴) с приложением выполненного одним Николаем Николаевичем фонетического и грамматического очерка чешского языка, вышедший в 1933 г. [44]. Словарь стал последней прижизненной публикацией ученого. Другой работой был очерк истории русского литературного языка, заказанный Учпедгизом (видимо, по рекомендации Д. Н. Ушакова) Н. Н. Дурново и В. В. Виноградову, первый должен был описать период до XVII в., второй — более позднюю эпоху. В связи с общей работой завязались контакты двух русистов, ставшие затем единственной причиной ареста В. В. Виноградова. В срок написал свою часть лишь В. В. Виноградов, сдавший ее в печать до своего ареста; она была издана отдельной книгой [45]. Н. Н. Дурново же так и не успел представить свои разделы, а все им написанное изъяли при аресте.

Работа над несостоявшейся книгой способствовала и контактам Н. Н. Дурново с молодым тогда В. Н. Сидоровым, предполагавшимся в качестве ее редактора в Учпедгизе, и его другом Р. И. Аванесовым. По свидетельству А. А. Реформатского, ученые разных поколений настолько сблизились, что решили совместно писать грамматику современного русского языка: Р. И. Аванесов должен был написать фонетику, В. Н. Сидоров морфологию, Н. Н. Дурново — синтаксис. Этот замысел постигла та же судьба, что и предыдущий: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров свои разделы написали, хотя из-за ареста В. Н. Сидорова работа над ними надолго затянулась и книга появилась много позднее [46]; но, как писал А. А. Реформатский, «участие Дурново не могло осуществиться» [47, с. 29]. Это особенно жаль потому, что о синтаксической концепции Н. Н. Дурново мы знаем меньше всего: его «Повторительный курс», как и другие его многотомные труды, также остался незаконченным, не вышла его часть, посвященная предложению. Но, несомненно, в книге [46] отразились и беседы ее авторов с Н. Н. Дурново в последний год, который ему суждено было быть на свободе.

Тяжелый быт сказывался на Николае Николаевиче. Его ранее очень высокая научная продуктивность после Минска явно стала падать. Он рано постарел. Вдова В. В. Виноградова в позднейших (1988) воспоминаниях так характеризует облик ученого, которому в то время было всего 56—57 лет: «Н. Н. Дурново был пожилого возраста, обросший бородой, вида такого, как изображают в кино „профессоров“ и ученых. После его ухода на полу оставались лужи воды, он не носил галош» [48]. Обращает на себя внимание деталь из протокола тюремного медицинского осмотра 1934 г.: у Н. Н. Дурново отсутствовало 20 зубов [3, т. 10, л. 149].

Но впереди еще было самое худшее. Роковую роль сыграло знакомство Н. Н. Дурново и особенно его сына Андрея с неким М. Н. Скачковым. Это был

⁴ А. Грулин (псевдоним) — чешский коммунист, тогда учившийся в Москве в Ленинской школе, при составлении словаря играл роль информанта и одновременно контролировал политическую сторону вместе с «политредактором» Д. Г. Штерном.

белый офицер, эмигрировавший в Чехословакию, затем вернувшийся в СССР, где работал в Главлите и переводил с чешского (ему, в частности, принадлежит первый русский перевод «Швейка»). С Н. Н. Дурново он познакомился еще в Чехословакии, а в 1933 г. контакты возобновились. Н. Н. Дурново познакомил М. Н. Скачкова со своим старшим сыном, тоже начинающим славистом (отец очень рассчитывал на него как на продолжателя своего дела). А. Н. Дурново, которому тогда было 23 года, в отличие от отца увлеклся евразийством и рассказывал об этом М. Н. Скачкову. К тому же Андрей Дурново в 1933 г. влюбился в 17-летнюю Варвару Трубецкую, племянницу Н. С. Трубецкого, и речь шла о женитьбе.

В конце 1933 г. М. Н. Скачков был арестован по обвинению в участии в «эсеровской организации». 21.12.1933 г. он дал показание против отца и сына Дурново, назвав их участниками «националистической организации, ведущей активную антисоветскую работу» [3, т. 4, л. 15]. Уже в ночь на 28 декабря оба Дурново были арестованы, в деле имеется ордер на их арест № 14130, выданный сотруднику Оперотдела ОГПУ Финкельбергу [3, т. 1, л. 99]. Вскоре арестовали и Варвару Трубецкую и ее отца В. С. Трубецкого, брата Н. С. Трубецкого.

Их арест послужил началом так называемого «дела славистов». Вслед за ними в январе — апреле 1934 г. арестовали еще 16 ученых и педагогов, специалистов по славистике и русистике. Об этом деле мы недавно уже писали [49], поэтому здесь мы остановимся лишь на той его части, которая непосредственно касается Н. Н. Дурново.

Все было против Николая Николаевича: принадлежность к родовитому дворянству, владение именем, пусть «незначительным», преподавание «буржуазной науки» славистики⁵, три с лишним года жизни в Чехословакии, связь с «нацдемами» и исключение из Белорусской академии. Были и дополнительные «улики», использованные следствием: Андрей Дурново вел тетрадь под названием «Мысли для себя», куда вписывал нравившиеся ему евразийские высказывания, тетрадь, изъятая при обыске, стала источником «программных установок» «Российской национальной партии», фабриковавшихся следствием; в Москве Н. Н. Дурново встречался с приезжавшими сюда виднейшими французскими славистами А. Мазоном и А. Вайяном, что было истолковано как «получение заданий»; Р. Якобсон пытался заботиться об учителе по его возвращении в Москву и однажды послал ему письмо и деньги через сотрудника чехословацкой миссии в Москве Ванека; Н. Н. Дурново несколько раз приглашался в эту миссию и подарил туда экземпляр своего словаря; наконец, он посещал «понедельники» в доме последнего оставшегося из его учителей М. Н. Сперанского, где велись зафиксированные ОГПУ «контрреволюционные» разговоры о тяжелом положении науки в СССР. Всего этого было достаточно, чтобы объявить Н. Н. Дурново членом «политического центра» «Российской национальной партии», якобы ставившей «своей целью свержение Советской власти и установление в стране фашистской диктатуры» [3, т. 10, л. 1]. В числе прочего «партии» (правда, не персонально Н. Н. Дурново) инкриминировалась и подготовка «террористических актов», а именно покушения на В. М. Молотова.

Следствие вели начальник 2-го Отделения СПО ОГПУ Каган и его заместитель Сидоров, последний вел большинство допросов Н. Н. Дурново. Разные подследственные вели себя по-разному, но Николай Николаевич, во многом сломленный еще до ареста, быстро сдался и признал все обвинения. 29 марта 1934 г. «тройка» приговорила его к десяти годам лагерей [3, т. 10, л. 39]. В начале апреля жена В. В. Виноградова, передавая мужу теплые вещи перед отправкой его в

⁵ Нельзя забывать, что в это время официально признавались идеи Н. Я. Марра, отрицавшего родство славянских языков. Ср. показания, выбитые у одного из подследственных: «Через Дурново оказывалось влияние в направлении решительного перевода меня на специальные занятия славистикой как дисциплиной, могущей сыграть большую воспитательно-пропагандистскую роль в проведении национально-фашистской идеологии» [3, т. 7, л. 373].

ссылку, посетила Лубянку и в коридоре случайно встретила Н. Н. Дурново, которого вели на допрос: «Он был небрит, оброс бородой, произвел на меня тяжелое впечатление» [50, с. 85]. Видимо, она была последним человеком из круга московских знакомых, видевших Николая Николаевича.

О дальнейшей судьбе Н. Н. Дурново вплоть до наших дней ничего не знали, в ходу были разные гипотезы и легенды. Уцелевшие подсудимые по «делу славистов» при подготовке реабилитации говорили, что Н. Н. Дурново, по их сведениям, «умер в ссылке». Еще в конце 1988 г. В. М. Живов в докладе о Н. Н. Дурново на чтениях памяти репрессированных лингвистов в МГУ предполагал, что дело Н. Н. Дурново сразу же было отделено от остальных и что его расстреляли уже в 1934 г. Лишь теперь можно установить, что действительность была несколько иной, но не менее страшной. В архиве Министерства безопасности Республики Карелия сохранилось так называемое «Соловецкое дело» Н. Н. Дурново [43] объемом в 33 листа, составленное по материалам Управления НКВД по Ленинградской области прокуратурой Архангельской области в надзорном порядке по распоряжению Прокуратуры СССР от 26 декабря 1966 г. Оно дает сведения о последних годах жизни Н. Н. Дурново, проведенных на Соловецких островах.

Первый по времени документ в деле — «Учетно-статистическая карточка», составлявшаяся на каждого заключенного, прибывающего в лагерь [43, л. 3]. Карточка начинается словами: «Прибыл в лагерь 8.VI.1934. Фамилия и кличка Дурново». Далее идут анкетные данные (в том числе отмечено знание пяти иностранных языков), фотографии в профиль и анфас, пустые графы о лагерных зачетах и свиданиях с родными и злое заключение: «Необходимо агентурное освещение настроения и связи с волей. Ограничения: содержать в изоляции от участников организации в одиночке».

Письма жене и детям до нас не дошли. Сохранились лишь три письма брату Михаилу Николаевичу Дурново и племянникам. В первом из них он пишет о начале своей соловецкой жизни: «25 дней пробыл на северном берегу Большого Соловецкого острова среди природы, а с 11 июня живу в монастыре (теперь Кремль) в южной части острова. Заниматься здесь гораздо удобнее, но только бы были книги, но зато собирать грибы и ягоды и ловить рыбу здесь нельзя. Здесь масса чаек. Кричат день и ночь. Мое здоровье пока сносное. Припадки пока что не повторялись». Уже в первом письме ученый просит прислать ему бумаги в надежде, что сможет заниматься научной работой.

В следующем письме, по-видимому, тоже относящемся к лету 1934 г., Н. Н. Дурново просит прислать ему: «белой бумаги (на первое время несколько листов), перьев, список моих книг и рукописей; оставшихся в Москве, и книги!». Он просит прислать «на первое время» две книги А. А. Шахматова, сочинения В. К. Поржезинского, С. П. Обнорского, Ван Вейка, оттиски собственных статей, несколько книг, бывших у него в камере в дни следствия, а также текст «Повторительного курса»: готовилось новое издание, так в итоге и не состоявшееся. Ученый пытался работать.

В августе 1934 г. на Соловки прибыл с инспекционной поездкой прокурор СССР И. А. Акулов. Он распорядился собрать для него сведения о ряде заключенных, в том числе Н. Н. Дурново, который в течение двух дней, 11—12 августа, написал по этому случаю обширные показания [43, л. 6—12 отдельной пагинации]. Эти интереснейшие показания теперь опубликованы [2, с. 77—82], поэтому мы ограничимся краткой их характеристикой.

Показания, несомненно, очень искренни. После вынужденной лжи на следствии Н. Н. Дурново очень хотел наконец сказать правду. Если он где-то неискренен, то разве что в конце, где обещает помочь: «своими работами опровергать заверения антисоветской печати о тяжелом положении гуманитарных наук в СССР, так как со времени утверждения Советского строя моя научная продуктивность до 1934 года возросла против прежнего вдвое и к этому времени

относятся те мои работы, которые я считаю лучшими» [43, л. 12]. Но нельзя осуждать человека в таком положении.

Н. Н. Дурново писал: «Я не отрицаю своего несогласия с идеей коммунизма и с тактикой Советской власти, своих связей с профессорами Якобсоном и Трубецким, некоторыми русскими политическими эмигрантами в Чехословакии и Югославии и членами чехословацкого дипломатического корпуса; признаю, что я не только лично отрицательно относился к Советской власти, но и не скрывал своего отношения в разговоре с другими лицами, не только гражданами СССР, но и с иностранными учеными, не скрываю и того, что на собраниях у акад. М. Н. Сперанского и проф. Г. А. Ильинского, кроме разговоров на темы, связанные с нашей научной работой, бывали и разговоры на политические темы, в которых и я принимал участие» [43, л. 6]. Подтверждая то, что было, он отвергал то, чего не было: «Решительно заявляю, что ни о какой организации, ставившей своей целью свержение Советской власти, никаких разговоров не было... никто из бывших у Сперанского и Ильинского, насколько я помню, не выражал своего сочувствия к вредительству, саботажу и т. п. как к методам борьбы с Советской властью. Не помню, чтобы кто-либо возлагал какие-нибудь надежды на интервенцию. Лично считая интервенцию изменой не только Советской власти и пролетариату, но и нации, я бы непременно стал возражать и должен был бы это запомнить» [43, л. 6].

Говоря о своих политических взглядах, Н. Н. Дурново признавал, что они «не отличаются яркостью», но заявлял, что отрицательно относится как «к идее коммунизма и принудительного коллективизма», так и к фашизму; при этом он выражал негативное отношение и «к попыткам свержения Советского строя, носящим революционный характер». Подробно он останавливался на своем отношении к евразийству, которое в целом не принимал, исключая лишь «критику аристократического строя». В евразийстве его не устраивал недостаточный демократизм, отстаивание роли государства и однопартийной системы; теория Н. С. Трубецкого сильно напоминала ему коммунизм, хотя Н. С. Трубецкой его не признавал.

В то же время Н. Н. Дурново чужд всякой односторонности: «Я всегда был против подавления одной национальности другою, против той русификации и германизации, которая проводилась имперскими правительствами России, Германии и отчасти Австрии, или полонизации в теперешней Польше, чехизации и словакизации в Чехословакии и сербизации в Югославии, и я находил, по крайней мере до 1930 г., что национальный вопрос в СССР разрешен в общих чертах верно» [43, л. 7]. Общие взгляды не преуспевшего ни в СССР, ни в буржуазной Чехословакии Н. Н. Дурново на социальный строй, по его выражению, «неопределенны и, так сказать, негативны»: «Капитализм, по крайней мере в той форме, в какую он вылился в буржуазных странах, — а в другой форме я его не знаю — представляется мне явлением ненормальным, и я не сомневаюсь в том, что он переживает кризис, которого он не переживет, но и к коммунизму, как я уже сказал, я отношусь отрицательно. А возможно ли что-нибудь третье, я не знаю» [43, л. 7].

Не будем сейчас останавливаться на других темах показаний Н. Н. Дурново, в которых, в частности, подробно рассказывается о его жизни в Чехословакии и поездке в Югославию, даются интересные и лишены однозначности характеристики Н. Трубецкого, Р. Якобсона, М. Н. Сперанского. В конце явно наивное высказывание человека, плохо понимавшего, с кем имеет дело: «Я не теряю надежды, что ОГПУ или заменивший его судебный орган учтет тот факт, что если верить в мою активную попытку свергнуть Советскую власть, я оказался никуда не годным заговорщиком и потому не могу считаться опасным элементом» [43, л. 12].

Прокурору СССР И. А. Акулову нужно было: покаяние, уверения в перековке. Опрошенный одновременно с ним Г. А. Ильинский оказался более практичным: он заявил, что раньше его убеждения были не советскими, но «Соловки его

переделали» (за два с половиной месяца!). После такого признания Ильинскому по представлению И. А. Акулова Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) заменили ссылкой в Западную Сибирь, где, впрочем, его ожидал также печальный конец. В отношении же Н. Н. Дурново был вынесен вердикт: «Соловки на его убеждения не повлияли» [3, т. 11, л. 362], и он остался в лагере, вскоре преобразованном в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН) на весь срок по 28.XII.1943 г.

Как нам удалось установить (помог Дмитрий Сергеевич Лихачев), Н. Н. Дурново по возрасту и состоянию здоровья попал в инвалидную «сторожевую» роту и содержался в камере № 6 в Святительском корпусе монастыря (нижний этаж). Заключенные этой роты не использовались на общих работах, исполняя иногда функции сторожей, а большую часть времени находились в камерах. В этих условиях Н. Н. Дурново пытался работать. Из приводившихся выше писем видно, что он собирался продолжать работы по русистике, но потом эти надежды пришлось бросить: в последнем дошедшем до нас письме брату от 22.03.1935 г. он жалуется: «под руками нет ни источников, ни пособий». Пришлось заниматься тем, что было доступнее. В том же письме Н. Н. Дурново пишет: «Здесь я описываю рукописи здешнего музея, но, кажется, просмотрел их все. Занимаюсь научной работой, но не знаю, какой из этого выйдет толк, потому что никак не могу переслать своих рукописей в Москву». В Соловецком кремле силами заключенных содержался музей, где оставалась часть рукописей монастыря.

В том же письме от 22.03.1935 г. Николай Николаевич беспокоится, почему не пишут его жена и оставшиеся в Москве дети, боится, не выслали ли их. О себе он пишет: «Здоровье пока сносно. Но сердце начало сдавать; одно время опухали ноги; сейчас как будто не опухают или опухают мало... Все время доктора прописывают то одно, то другое лекарство. Хуже всего с глазами. Левый глаз видит плохо; может быть, надо пересмотреть стекло в очках; правый глаз видит хорошо, но его часто застилает; иногда из-за этого приходится бросать работу на целых полдня; третьего дня не мог заниматься всю вторую половину дня с часу. Греспособлений для лечения глаз здесь нет. Пускаю протаргол, но помогает мало». И в конце приписка: «Глаз сегодня начало застилать с 11 ч., как только кончил письмо. Пишу через силу, совсем слепну». О событиях внешней жизни одна фраза: «Ботвинник и Ласкер поддержали вновь традицию Стейница и Ласкера»; в Москве шел тогда большой шахматный турнир.

О соловецкой жизни Н. Н. Дурново имеются и сведения с другой стороны — сохранившиеся в деле две «докладные о наблюдении за з/к Н. Н. Дурново», по-видимому, относящиеся к зиме 1934—1935 гг. (частично опубликованы в [2, с. 77]): «З/к Дурново Н. Н. в письмах к своей жене предупреждает о возможности его смерти и дает указания, как поступить с научными трудами и кого следует известить о смерти. Подробно о моральном состоянии Дурново мы информировали Вас 5-го декабря... Меры тщательного наблюдения за Дурново приняты, проинструктирована охрана, личное посещение участвовали. Занимается разработкой старописных и печатных документов, представленных нами из Музея. Колоющих и режущих предметов у Дурново не имеется, т. к. были изъяты при его изоляции» [43, л. 14]. «Дурново Н. Н. Моральное состояние без изменений. Продолжает беспокоиться о семье, о которой из получаемых им изредка писем ему известно, что его письма и рукописи семьей не получены. Просит разъяснить ему причины неполучения писем семьей и сообщить о судьбе высланных рукописей. Днями Дурново передал составленную им Сербскохорватскую грамматику для пересылки семье, при этом сообщил, что он не имеет никакой уверенности, что эта рукопись будет доставлена адресату. Продолжает заниматься разработкой старописных и печатных документов Соловецкого музея, которые доставляются ему в камеру. Дурново переведен в камеру № 6 низ, выходящую на южную сторону. Электрическое освещение камеры усилено. По вопросу вывода Дурново для работы в Музей просим ускорить ответом на наш № 84/к от 28 января с.г.» [43, л. 13].

Только из этого документа мы знаем о последней книге Н. Н. Дурново.

Судьба Сербохорватской грамматики и других его соловецких работ неизвестна. Вероятнее всего, они не сохранились. О последних двух годах жизни Н. Н. Дурново в нашем распоряжении нет никаких материалов.

А о самом страшном в деле лишь сухие документы.

Из справки учетно-архивного отдела КГБ при Совете министров Карельской АССР (речь идет о событиях 1937 г.): «На лич., находящихся в заключении в Соловецкой тюрьме или Соловецких ИТЛ, предварительное расследование по делам не производилось, а по агентурным материалам или справке по старому следственному делу⁶ выносились на заседание Особой тройки, которая и выносила свое решение» [43, л. 21].

«Выписка из протокола заседания Особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 9 октября 1937 г.

СЛУШАЛИ: Дело № 103002 по обвинению Дурново Николай Николаевич, 1876 года рождения, уроженец г. Москвы.

ПОСТАНОВИЛИ: Дурново Николая Николаевича РАССТРЕЛЯТЬ. Лично принадлежащее имущество конфисковать» [43, л. 29].

«АКТ. Приговор тройки УНКВД по протоколу № 81 от 9 октября 1937 г. в отношении осужденного к ВМН Дурново Николая Николаевича приведен в исполнение 27 октября 1937 года⁷, в чем и составлен настоящий акт. Зам. нач. АХУ УНКВД ЛО капитан госбезопасности Матвеев [43, л. 16 — „сов. секретный конверт“]» (акт отпечатан на ротаторе, впечатаны на машинке номер и дата протокола, фамилия, имя и отчество осужденного, дата расстрела).

Общая ситуация в октябре 1937 г. известна. На Соловецких островах на нее наложились местные события: в связи с надвигавшейся войной решили закрыть старейшие Соловецкие лагеря и передать острова Наркомату обороны. Чтобы не перевозить много заключенных, решили ликвидировать тех из них, кто имел более длительные сроки, «альбомным» способом: «по справке по старому следственному делу» тройка судила повторно и по основаниям, по которым в 1934 г. давали десять лет, теперь расстреливали. Тогда же погибли находившиеся на Соловках знаменитый П. А. Флоренский, виднейший украинский режиссер Лесь Курбас, украинский писатель Микола Зеров и др. Погибло и еще трое осужденных по тому же делу, что Н. Н. Дурново — все они — В. Э. Розенмейер, Г. А. Тюрк, А. А. Устинов — не были с ним знакомы. «Суды» и расстрелы шли партиями: Н. Н. Дурново, В. Э. Розенмейер и Г. А. Тюрк в один день были осуждены и в один день расстреляны; А. А. Устинов попал в другую партию, даты его осуждения и расстрела совпадают с такими датами для П. А. Флоренского.

Приведем отрывок из постановления президиума Архангельского областного суда от 5 апреля 1967 года:

«Дурново Н. Н. в 1937 году расстрелян за антисоветскую деятельность в Соловецкой тюрьме незаконно.

Никаких объективных доказательств вины Дурново в антисоветской деятельности, за время пребывания в Соловецкой тюрьме, в материалах дела нет. Расследование по делу не проводилось. Обвинение было основано на справке начальника Соловецкой тюрьмы, в которой имелась ссылка на обвинение Дурново по первому уголовному делу 1934 года, тогда как и по тому делу за организационную антисоветскую деятельность был осужден неправильно...» Поэтому президиум Архангельского областного суда решил «постановление Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 г. в отношении Дурново Николая Николаевича отменить и дело о нем прекратить...» [43, л. 33].

⁶ Такая справка, в которой Н. Н. Дурново характеризуется как «фашист», имеется в деле [43, л. 1].

⁷ Эта дата уже известна в литературе [51, с. 78; 1, с. 95], но встречаются и неверные даты [52, с. 544]. В энциклопедических статьях об ученом, помимо вынужденных недоговорок, есть и прямые неточности: в БСЭ сказано, что он жил в Праге до 1929 г., в [51] он назван «профессором Московского университета».

Отметим и то, что в деле [43] есть и справка о том, что тогдашний начальник Соловецкой тюрьмы И. А. Аптер и его заместитель П. С. Раевский вскоре были «уволены из органов в связи с арестом» [43, л. 22].

Трагична была и судьба семьи Николая Николаевича. Андрей Дурново был осужден повторно в лагере-совхозе «Малек» в Узбекистане, где и содержался, и был 5 января 1938 г. расстрелян. Несколько раньше, 30 октября 1937 г. в Андижане, где находились в ссылке Трубецкие, была расстреляна невеста Андрея, Варвара и заодно ее отец. Младший сын Н. Н. Дурново, Евгений, был в 1937 г. арестован и не вернулся. Дочь Ольга еще раньше погибла от несчастного случая. Вдова Н. Н. Дурново, Екатерина Евгеньевна, осталась в Москве одна и умерла в 1944 г. от водянки.

Имя Н. Н. Дурново никогда не было совсем запретным, даже в сталинское время его упоминали многие русисты. Но все же должного внимания этому ученому не уделялось даже после того, как он был реабилитирован в судебном порядке: 26.10.1964 г. по приговору 1934 г. и 05.04.1967 г. по приговору 1937 г.; постановление же 1934 г. о его исключении из Академии наук отменили только в 1990 г. За многие годы переиздали лишь одну его книгу [35], см. [36]. Масштаб научной деятельности Н. Н. Дурново еще ждет адекватной оценки. Но хочется вспомнить о нем и как о добром, мягком, погруженном в науку человеке, судьба которого оказалась столь трагической.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сумникова Т. А. Николай Николаевич Дурново (1876—1937)//Русская речь. 1981. № 5.
2. Робинсон М. А., Петровский Л. П. Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ—НКВД)//Славяноведение. 1992. № 4.
3. Центральный архив МБ РФ, дело Р-28379, т. 1—11.
4. Энциклопедический словарь/Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. XI. СПб., 1893.
5. Библиография работ Н. Н. Дурново//Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.
6. Лекции по истории русского языка, читанные осенью 1906—1907 гг. академ. г. в имп. Моск. ун-те пр. доц. Н. Н. Дурново. Б. м. и г.
7. Дурново Н. Н. Записки по истории русского языка. Харьков, 1911—1912.
8. Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. Историческая морфология. Харьков, 1913.
9. Дурново Н. Н. Хрестоматия по истории русского языка. Пособие при преподавании русского языка в высших учебных заведениях. Вып. I. Памятники X—XI вв. М., 1914.
10. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
11. Дурново Н. Н. Заметка о говоре Шацкого уезда Тамбовской губернии//Известия ОРЯС. Т. 5. Кн. 3. СПб., 1900.
12. Дурново Н. Н. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии//РФВ. 1900. Т. 44. № 3—4; 1901. Т. 45. № 1—2; 1901. Т. 46. № 3—4; 1902. Т. 47. № 1—2; 1903. Т. 49. № 1—2; 1903. Т. 50. № 3—4.
13. Дурново Н. Н. Краткий очерк русской диалектологии. Харьков, 1914.
14. Ушаков Д. Н., Дурново Н. Н., Соколов Н. Н. Диалектологическая карта русского языка в Европе. Пг., 1914.
15. Ушаков Д. Н., Дурново Н. Н., Соколов Н. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. М., 1915.
16. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. Труды Московской диалектологической комиссии. Варшава. Вып. 2. 1910; Вып. 3. 1914. Изд. 2-е. Рыбинск, 1926.
17. Дурново Н. Н. Хрестоматия по великорусской диалектологии: Пособие при преподавании русского языка в высших учебных заведениях. М., 1910.
18. Дурново Н. Н. Хрестоматия по малорусской диалектологии: Пособие при преподавании русского языка в высших учебных заведениях. М., 1913.
19. Дурново Н. Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южно-великорусское наречие. Вып. 1—2. М., 1917—1918.